

Методология историографии раннего христианства в отечественных исследованиях XX–XXI веков

К. И. Савина

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. В статье рассмотрены проблемы историографии раннего христианства, связанные с общими установками господствующего мировоззрения в дореволюционный и в советский периоды. Автор ставит вопросы о полемическом начале церковной историографии и о необходимости пересмотра историографической методологии в современных религиозноведческих исследованиях.

Содержание. Автором проводится анализ методологий двух важнейших историографий двадцатого века: дореволюционной (на примере труда А. П. Лебедева «Церковная историография в её главных представителях с IV века до XX») и советской (по труду Г. М. Лившица «Очерки историографии Библии и раннего христианства»). Дана характеристика и оценка обеих методологий с точки зрения принципиальных ограничений в каждой из них. Сопоставляются две исследовательские модели: историография раннего христианства в Российской империи и историография раннего христианства в Советском Союзе. Наряду с критическим анализом автор вносит свои предложения в сфере методологии и терминологии отечественной историографии раннего христианства.

Выводы. Основной вывод статьи – необходимость выработки новой методологии, в рамках которой было бы возможно зафиксировать реальное развитие научных теорий о возникновении христианства и формировании раннехристианского учения.

Ключевые слова: методология, историография, история, раннее христианство, советская историография христианства, церковная историография.

Для цитирования: Савина К. И. Методология историографии раннего христианства в отечественных исследованиях XX–XXI веков // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2024. – № 3. – С. 282–293. DOI: 10.35231/18186653_2024_3_282. EDN: CZSDVB

Methodology of Early Christianity Historiography in Russian Studies of the 20th–21st Centuries

Kseniya I. Savina

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The article examines the problems of the historiography of early Christianity related to the general attitudes of the dominant worldview in the pre-revolutionary and Soviet periods. The author raises questions about the polemical beginning of church historiography and the need to revise the historiographical methodology in modern religious studies.

Content. The author analyzes the methodologies of two major historiographies of the twentieth century: the pre-revolutionary (using the example of A. P. Lebedev's work "Church Historiography in its main representatives from the IV century to the XX") and the Soviet (based on the work of G. M. Livshits "Essays on the Historiography of the Bible and Early Christianity"). Both methodologies are characterized and evaluated in terms of the fundamental limitations in each of them. Two research models are compared: the historiography of early Christianity in the Russian Empire and the historiography of early Christianity in the Soviet Union. Along with a critical analysis, the author makes suggestions in the field of methodology and terminology of the Russian historiography of early Christianity.

Conclusions. The main conclusion of the article is the need to develop a new methodology within which it would be possible to record the real development of scientific theories about the emergence of Christianity and the formation of early Christian teaching.

Key words: methodology, historiographic, history, early Christianity, Soviet historiographic, Christian historiographic.

For citation: Savina, K. I. (2024) Metodologiya otechestvennoj istoriografii rannego khristianstva v XX–XXI vekakh [Methodology of Early Christianity Historiography in Russian studies of the 20th–21st centuries]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 282–293. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2024_3_282. EDN: CZSDVB

Введение

Историография раннего христианства – междисциплинарная область научного поиска, на результаты которого всегда значительное влияние оказывало некоторое заданное обстоятельством истории отношение к религии в целом и к христианству, в частности. Справедливо это как для западного общества, так и для российского.

Как всякая религия, христианство затрагивает коренные вопросы мировоззрения. Поэтому и понимание христианства в историческом процессе, и выбор источников могут быть определены помимо воли исследователя его априорными представлениями, образованием, научной и социальной биографией. Это заметно уже у истоков церковноисторической науки – несмотря на то, что инициировавшие её католические и протестантские исследователи придерживались научных методов исторического анализа и источниковедения, их труды различаются в акцентах, периодизации, а позднее и в целом изложением истории формирования христианства. Это связано, можно сказать, с методологической полемической «первоустановкой» исследователей: у одних – подтвердить преимущество, продемонстрировать единство и неизблемость католической церкви от Христа и до настоящих дней, у других – подтвердить отклонение от изначального учения, продемонстрировать его лоскутность и противоборство точек зрения, чтобы отнять у оппонентов монополию на легитимность.

Однако, как часто бывает, эти вненаучные цели заставили направить большие интеллектуальные силы в развитие науки о раннем христианстве, которой предстояло стать полем мировоззренческого раскола. Ведь методологическое разделение было связано не только с праведными мотивами, но и с некоторой дихотомией средневекового мировоззрения и наступающего Нового времени. Неслучайно именно в среде протестантских теологов церковноисторические исследования обретут тот критический вид, который утвердится затем и в нашем Отечестве, да и в Европе – как научные в светском значении. А Новейшее время, освобождаясь от религиозности и антирелигиозности, потребует пересмотра и истории раннего христианства и его историографии, соответственно.

Мы будем работать на поле отечественных исследований религии, в трёх итерациях: дореволюционная наука, исследования в советский период, современная российская историография. Несмотря на противоположные позиции и дискуссии, труды первых двух научных формаций мы объединим, как их объединяет XX век, ведь и методология у них схожая. Современность же будет представлена анализом двух исторических трудов, один из которых рассматривает авторов XIX – начала XX вв., второй – авторов 1920–1990 гг.

Содержание исследования

В двух важнейших историографиях начала и конца XX века, противоположных по мировоззрению и идеологическим позициям авторов, – А. П. Лебедева «Церковная историография в её главных представителях с IV-го века до XX-го» (1903) и Г. М. Лившица «Очерки историографии Библии и раннего христианства» (1970), – основным материалом служат исторические труды германской науки, а именно больших протестантских академических школ, среди которых особое место занимает Тюбингенская. Обратимся к анализу методологий этих историографий.

Алексей Петрович Лебедев – одна из центральных фигур русской церковноисторической науки, сделал блестящую карьеру в Московской духовной академии и своими работами – научными, в ущерб каноничности, как считали некоторые – волновал современников-соотечественников. Состоял в научном общении с ярким представителем западной традиции А. Гарнаком, тот написал свой отзыв на его диссертацию. Был обвинён в приверженности «Бауру и тюбингенской школе», но в виду большого научного авторитета с 1 сентября 1895 года занял кафедру церковной истории Московского университета. При обращении к его «Церковной историографии», изданной в Санкт-Петербурге в 1903 году, становится понятно, что никаким «протестантским рационалистом» Алексей Петрович не был, а сам активно критиковал, даже разоблачал, спорные утверждения тюбингенских теологов. Ему, как и традиционным церковным историкам, претило подспудное протестантское устремление усмотреть в истории первых веков христианства расколы и искажения. Именно эти искажения реального про-

цесса вероучительного становления христианства становятся объектом изучения в историографии Лебедева.

Прежде всего, историография начинается с Византии эпохи Соборов и это показательное включение столь отдалённого и хронологически, и культурно времени наглядно демонстрирует такую часть методологии Лебедева, как традиционализм. Научный подход к датировкам, источникам и трактовкам от этого не страдает, но картина процессов меняется. От позднеантичной и раннесредневековой историографии профессор сразу переходит к германской историографии христианства и в самом начале отмечает её полемическую заострённость. Небольшой раздел уделен отечественной историографии – в ней Лебедев, конечно, не может быть беспристрастным, будучи участником, однако его заинтересованность проявляется прежде всего в констатации отставания российской науки, ввиду позднего введения церковной истории как дисциплины. Первые церковные истории начала XIX века он критикует за отсутствие самостоятельного систематического научного изложения – писанные как бы ещё по образцам, отголоскам, средневековых «летописей» они напоминают автору сухие конспекты, в которых не прояснены позиции участников, взаимосвязь событий и явлений, т. е. не произведён собственно исторический анализ.

Историография Лебедева имеет методологическую особенность, которую можно считать достоинством, но можно рассмотреть и как недостаток. Следуя собственной критике простых перечислений имён и взглядов, он изображает историографию как цельную историю с развитием противоречий, ростом и победой точек зрения, анализом теорий и установок участников. Это делает картину идей всеохватывающей, с одной стороны, но с другой стороны – неким монолитом, в котором могут быть споры о документах, но не сомнения в историчности и самой религии. По мнению его современника А. А. Спасского: «Это цельная картинная галерея, в которой, как живые личности, воскресают перед нами прежние историки, с их назойливыми, но всегда оригинальными попытками разрешить великую церковно-историческую проблему – понять историческую сущность христианства и с той или другой точки зрения выяснить его судьбы в прошлой истории человечества и оценить настоящее его положение» [9, с. 121].

А что же составляет именно взгляд Лебедева на само раннее христианство? Здесь важно то, что профессор является частью православно-христианского общества – в нём нет нужды в защите христианства или защите целостности церкви, как на Западе. Базовые, аксиоматические положения его историографии нигде не прописаны, но явственно видны в любом утверждении – христианские документы первых веков, после источниковедческого анализа, являются именно документами, историческое исследование христианства не вредит вероучению, потому что в истории христианства нет фактов, противоречащих его истине. Это уверенная точка зрения позволяющая спокойно заниматься научным поиском и не оглядываться на условия, опираясь на утверждение: «...едва ли нужно указывать, что христианская религия в жизни народов имеет более важное значение, чем просвещение, поэзия, искусства...» [5, с. 543].

В чём-то методологически схожей предстаёт позиция марксиста Г. М. Лившица, спустя более полувека в совершенно другой России с новыми мировоззрением и культурой. Такой же уверенной, но уже не только и не столько внутренне, сколько декларативно и решительно. Занимаемая позиция – манифестация исследователя. Рефлексии методологии не происходит и «марксистские историки освещают вопросы происхождения Библии с точки зрения исторического материализма и научного атеизма» [6, с. 4], игнорируя части исторического процесса не вписывающиеся в «первоустановку». Обзор также начинается с древности, но в ней нет ничего кроме «скованности религией», сама «научность» для автора равна «атеизму». В нынешних обстоятельствах очевидна следующая из этого ограниченность перечисления «научных» трудов, когда историография становится историей только критиков Библии и христианства, в то время как большая часть исследователей истории Церкви – члены Церкви, её учёные. Собственно источниковедческие и исторические исследования остаются без внимания, как и их предмет, христианство, заранее объявленный «мистификацией». Сразу за атеистами Просвещения и Нового времени идут марксистские историки. Что касается отечественной историографии то в ней Лившиц безапелляционно отрезает дореволюционную науку: «...в России до Октябрьской революции не было благоприятных условий для научного исследования...» [6, с. 56]. Такие

искажения историографического процесса происходят как раз от методологической «первоустановки».

Справедливости ради следует отметить, что религиозное мировоззрение дореволюционных авторов не мешало им обзирать исследователей с противоположными взглядами, однако и летопись критических подходов к религии они не составляли. Методология историографии Лившица отличается той слабостью, о которой писал Лебедев – простым перечислением имён, в данном случае ещё и с конкретными взглядами. Переходя к отечественной историографии, автор излагает позиции всех историков советского периода – Рановича, Жебелева, Кривелева, Амусина, Кубланова, Ленцмана, Свенцицкой и других, как представителей единого монолита, не описывая той критики со стороны сторонников «мифологической школы», которой в реальности подвергались последователи «исторической школы». Потому как в действительности вся советская историография раннего христианства ограничена марксистской системой и для стороннего наблюдателя, исследователя составляет целое. Это и демонстрируется последовательным проведением методологии «единственной научности». Аксиоматика ограничивает, не позволяя видеть собственные ошибки и правоту оппонентов или хотя бы их существование.

Отсутствие явной общей мировоззренческой парадигмы после распада Советского Союза должно быть плодотворной почвой для сущностного, концептуального анализа отечественной историографии раннего христианства. Первые шаги, на наш взгляд, уже были сделаны. Рассмотрим две историографии начала XXI в. – Т. В. Ионовой «Проблемы эволюции раннего христианства в отечественной историографии второй половины XIX – начала XX вв.» (диссертация, 2005 г.) и О. В. Метель «Советская модель изучения первоначального христианства (1920–1990-е гг.)» (монография, 2012 г.).

Примечательно, что обе работы – по историческим наукам, а не религиоведению, что отразится на рассматриваемых историографиях. Интереснейшую попытку выстраивания новой дореволюционной историографии раннего христианства в кандидатской диссертации предлагает Т. В. Ионова. Прежде всего методологически она ограничивает период собственно временем расцвета академической церковноисторической

науки, не рассматривая иные, более ранние формы бытования знания об истории и источниках. Кроме того, предлагает классификацию дореволюционных авторов, что уже является значительным методологическим актом, который следует приветствовать. Однако именно эта историческая, источниковедческая методология оказывается наиболее незащищённой для критики. Прежде всего в историографию не включены или не выделены авторы важнейшей для истории церкви специальной богословской дисциплины – патрологии, которая хоть и не сразу утвердила свою самостоятельность в системе церковного образования, но к концу века вполне и создала значительную источниковедческую базу для исследователей раннего христианства [3; 8]. При том, что рассматриваемые историки церкви такие же преподаватели духовных Академий. Следующим методологическим решением становится названная типологизация: разделение дореволюционной историографии на «академическую» и «каноническую» [4]. Этому решению есть следующие возражения по историческим и понятийным обстоятельствам: как мы уже говорили общественное мировоззрение Российской империи XIX в. было христианским, история и филология изучались в духовных академиях, а университеты опирались на доцентов и профессоров из этих академий. Уже упомянутый Алексей Лебедев в 1875 г. стал профессором кафедры церковной истории в Московской Духовной Академии, а с 1895 г. профессором в Московском университете на одноимённой кафедре. Патролог, антиковед Иван Попов в 1898 г. профессор Московской Духовной Академии и с 1907 г. приват-доцент по кафедре истории церкви Московского университета. Ничего удивительного, что церковноисторическая наука сильно развилась в это время и, собственно, представляла из себя академическую науку, в современном понимании. Поэтому искусственно разделять их неоправданно.

Кроме того, речь идёт о христианстве, в котором «каноническими» являются священные тексты, церковные установления и прочее относящееся к организационной стороне религии. Исторические исследования церковного историка не являются каноническими или неканоническими, они по названным выше причинам вряд ли выходили за пределы христианского мировоззрения, но подчиняясь принципам научных исследо-

ваний и говоря о христианстве, как об историческом явлении, могли и не нравиться представителям духовенства и цензурного комитета. Методологически более удачным считаем называть всю историографию раннего христианства XIX – начала XX вв. *дореволюционной*. В данном случае революция в России – не хронологический или социально-политический рубеж, но теоретический, мировоззренческий.

Другим пунктом методологической критики является собственное изложение Т. В. Ионовой позиций историков, которое подчиняется каким-либо темам как принципу организации. Каждый исследователь раскрывается в хаотическом порядке. Раннее христианство это комплекс разных исторических проблем, иногда одновременных, но разноплановых процессов и если постараться охватить их все и всех, кто высказывался по ним, то один автор «распределится» по историографическому повествованию. Выход из данной методологической проблемы – классификации – в данном вопросе неоднозначен, каждый вариант может быть подвергнут критике, поскольку исторический процесс сложно поддается типологизации.

Обратимся к монографии 2012 г. О. В. Метель «Советская модель изучения первоначального христианства (1920–1990-е гг.)». Автор успешно выстраивает картину формирования советской исторической науки о раннем христианстве, от возникновения до «стабилизации» и угасания. Этапы оказываются определены не научными процессами, а с общественными, ведь формирование связано с антирелигиозными кампаниями и политическими установками на атеистическую критику, и пристальным вниманием идеологии к «наукам о духе», с устойчивостью и расцветом государства, а также с его самоизоляцией, а угасание – с его же распадом, который, в частности, создал условия для заметного издания дореволюционной историографии раннего христианства. Исследовательскую логику мы не считаем методологическим упущением, напротив, это демонстрирует коренную связь между наукой этого периода отечественной истории и его политическим строем того же времени.

Методологические и терминологические вопросы есть к самому концепту «советская модель историографии» по следующим соображениям: советская историография раннего христианства всецело опирается на одну единственную по-

зицию, даже не скрывая это своё основоположение, а именно на взгляды Ф. Энгельса и его учителя Б. Бауэра. Это обстоятельство не столько является фактом возникновения некой модели, сколько показателем серьёзного ограничения научного поиска в указанный период. Причём эта историография не возникла в момент победы марксистской политической партии, такое было бы невозможно, она основывалась на существующем и в современной историографии направлении сторонников крайнего критицизма.

Критицизм, новые принципы научного знания – это было то, чем дышала вся наука XIX в. и церковная в том числе. Характерен ответ Р. Ю. Виппера на вопрос есть ли какое-то отличие состояния научного знания его времени по отношению к предыдущим периодам: «да, мы все, во всех областях науки, чувствуем это отличие, чувствуем напряжённость и всеобщность критического пересмотра...» [2, с. 5] и далее напрямую о необходимости откинуть всю «терминологию» прежнего мировоззрения. Уже в этом утверждении есть эта полемическая заострённость, отказ от прежнего, как и отказ от фундаментального принципа научности – отстранённости.

У такого подхода в тот момент истории были позитивные плоды, пока сфера науки не оказалась в положении, подчинённом по отношению к «идеологии», утверждённому мировоззрению. Тогда многократно упрощённая позиция критиков раннего христианства и религии стала аксиомой, от которой уже авторы «высокой» советской историографии стремились освободиться (тем более, в связи с открытиями в середине XX в. библиотеки Наг-Хаммади и прочих свидетельств). Как точно подмечает Метель, эта тенденция проявилась в перечитывании «первоисточника» – А. П. Каждан обнаружил, что «из-за неверного перевода, первоначальный смысл выводов Ф. Энгельса был затемнен, что и привело к ошибочным суждениям...» [7, с. 85], и в стремлении отойти от центральных вопросов историчности Христа к истории христианства. Удачной методологической находкой считаем объединение всех авторов советского периода, несмотря на их внутренние разногласия, в единое целое – расхождения есть только в наименовании этого целого, мы склонны считать более подходящим историография *советского периода* или *советская*.

Выводы

Как же может быть осуществлено полноценное историографическое исследование трудов по вопросам раннего христианства, если по ним параллельно высказывались представители противоборствующих позиций и внутри Церкви, и за её пределами? Казалось бы, очевидна необходимость простого безоценочного перечисления всех взглядов, опираясь на хронологическую последовательность. Но такое механическое перечисление не даст полной картины и понимания процессов. Да и перечисление подчас может нести всё ту же ограничивающую мировоззренческую установку.

Считаем особенно перспективным методологическим шагом сужение круга тем истории раннего христианства при составлении историографии до конкретного вопроса – например, «ересиология» или «апологетика», – чтобы проследить развитие науки на примере исследования одного предмета. Также методологической необходимостью полагаем составление целостной картины, по возможности системы исторического рассмотрения.

Начавшийся в XX в. процесс поворота к «системной ориентации исследований, т. е. к рассмотрению объекта изучения как сложноорганизованной целостности» [1, с. 100] может быть продолжен и в наши дни. Такой сложной целостностью является историография раннего христианства, в которой как в зеркале отразились все перемены общественного сознания последних веков истории. Одним из условий такого видения, несмотря на реальные противоречия и конфликты, является понимание методологических особенностей каждого периода и включение в общий контекст исторического процесса.

Список литературы

1. Барг М. А. Категории и методы исторической науки. – М.: Наука, 1984. – 315 с.
2. Виппер Р. Ю. Очерки теории исторического познания. – М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1911. – 288 с.
3. Епифанович С. Л. Лекции по патрологии. (Церковная письменность I–II веков) / под ред. Н. И. Муравьева. – СПб.: Воскресение, 2010. – 607 с.
4. Ионова Т. В. Проблемы эволюции раннего христианства в отечественной историографии второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – Барнаул, 2005. – 265 с.
5. Лебедев А. П. Церковная историография в главных её представителях с IV до XX в. – изд. 2-е, пересмотр. – СПб.: Изд. И. Л. Тузова, 1903. – 610, IX с.
6. Лившиц Г. М. Очерки историографии Библии и раннего христианства. – Мн.: Вышэйшая школа, 1970. – 395 с.

7. Метель О. В. Советская модель изучения первоначального христианства (1920–1990-е гг.): моногр. – Омск: Полиграфический центр КАН, 2012. – 170 с.

8. Сагарда Н. И., Сагарда А. И. Полный корпус лекций по патрологии. – СПб.: Воскресение, 2004. – 1216 с.

9. Спасский А. А. Профессор А. П. Лебедев: [Учено-литературная деятельность его и заслуги в области церковно-исторической науки. Характеристика его личности как профессора и человека]. (Начало) // Богословский вестник. – 1908. – Т. 3. – № 9. – С. 103–141.

References

1. Barg, M. A. (1984) *Kategorii i metody istoricheskoy nauki* [Categories and methods of historical science]. Moskva: Nauka. (In Russian).

2. Vipper, R. Yu. (1911) *Ocherki teorii istoricheskogo poznaniya* [Essays on the theory of historical knowledge]. Moskva: Tipo-litografiya Tovarishchestva I. N. Kushnerev i K°. (In Russian).

3. Epifanovich S. L. (2010) *Lektsii po patrologii*. (Tserkovnaya pis'mennost' I-II vekov) [Lectures on patrology. (Church writing of the 1st-2nd centuries)] ed. by N. I. Murav'ev. Sankt-Peterburg: Voskresenie. (In Russian).

4. Ionova, T. V. (2005) *Problemy evolyutsii rannego khristianstva v otechestvennoj istoriografii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.* [Problems of the early Christianity evolution in Russian historiography of the second half of the 19th and early 20th centuries]. Dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.09 Barnaul. (In Russian).

5. Lebedev, A. P. (1903) *Tserkovnaya istoriografiya v glavnykh eyo predstavitel'yakh s IV do XX v.* [Church historiography in its main representatives from the 4th to the 20th centuries] 2nd ed., revis. Sankt-Peterburg: Izd. I. L. Tuzova. (In Russian).

6. Livshits, G. M. (1970) *Ocherki istoriografii Biblii i rannego khristianstva* [Essays on the historiography of the Bible and early Christianity]. Minsk.: Vyshejschaya shkola. (In Russian).

7. Metel', O. V. (2012) *Sovetskaya model' izucheniya pervonachalnogo khristianstva (1920–1990-e gg.)* [Soviet model of studying early Christianity (1920–1990s)]. Омск: Полиграфический центр КАН. (In Russian).

8. Sagarda, N. I., Sagarda, A. I. (2004) *Polnyj korpus lektsij po patrologii* [Complete corpus of lectures on patrology]. Sankt-Peterburg: Voskresenie. (In Russian).

9. Spasskij, A. A. (1908) Professor A. P. Lebedev: [Ucheno-literaturnaya deyatel'nost' ego i zaslugi v oblasti tserkovno-istoricheskoy nauki. Harakteristika ego lichnosti kak professora i cheloveka]. (Nachalo) [Professor A. P. Lebedev: [His scientific and literary activities and merits in the field of church history. Characteristics of his personality as a professor and a person]. (Beginning)]. *Bogoslovskij vestnik*. Vol. 3. No. 9. Pp. 103–141. (In Russian).

Об авторе

Савина Ксения Игоревна, религиовед, преподаватель-исследователь, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009–0006–2704–2333, e-mail: feya1998@mail.ru

About the author

Kseniya I. Savina, researcher (religious studies), Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009–0006–2704–2333, e-mail: feya1998@mail.ru

Поступила в редакцию: 26.06.2024

Принята к публикации: 15.08.2024

Опубликована: 17.09.2024

Received: 26 June 2024

Accepted: 15 August 2024

Published: 17 September 2024

ГРНТИ: 21.15.61

ВАК: 5.7.9